

Р. А. БУДАГОВ

СИСТЕМА ЯЗЫКА В СВЯЗИ С РАЗГРАНИЧЕНИЕМ ЕГО ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ *

1

В последнее время среди известной части советских лингвистов все чаще и чаще высказывается мнение, согласно которому теоретические позиции того или иного лингвиста или даже целого лингвистического направления будто бы не имеют никакого значения для понимания практических результатов их работы¹. Такая точка зрения представляется мне глубоко ошибочной. Она неизбежно приводит к недооценке теории. В действительности, чем крупнее ученый, тем большее значение для выяснения практических результатов его работы имеют те теоретические взгляды и положения, которые им разделяются и развиваются. Иначе и быть не может, если теория является действительной теорией и вырастает в процессе глубокого изучения языковых фактов. Всякая же теория, которая так или иначе не опирается на факты, вообще не может быть названа теорией.

Разграничение синхронии (современного состояния) и диахронии (истории), обоснованное Ф. де Соссюром и И. А. Бодуэном де Куртене, имело для своего времени большое значение и стимулировало изучение языка как системы. Ученые о синхронии было направлено против той школы в языковедении, которая ставила перед собой задачу исследования отдельных форм и категорий языка, не решая вопроса о взаимодействии данных форм и категорий с системой языка в целом. Глава младограмматиков Герман Пауль еще в 1880 г. подчеркивал, что единственно научной грамматикой является грамматика историческая и что при установлении принципов исследования существенно не столько то, что это «принципы науки о языке», сколько то, что это принципы изучения истории языка (Prinzipien der Sprachgeschichte)². Ф. де Соссюр с большим остроумием критиковал подобные утверждения и стремился доказать, что научному изучению подлежит не только история языка и историческая грамматика, но и система языка в том состоянии, в каком она засвидетельствована в данную эпоху. Так обосновывалась идея синхронной грамматики, синхронного описания языка.

Но уже Ф. де Соссюр не только защищал право исследователя изучать современное состояние того или иного языка в его системных отношениях, но и резко разграничивал задачи изучения синхронии и диахронии языка. «Противопоставление двух точек зрения, — писал он, — синхронии

* В основе статьи — доклад автора, прочитанный в марте 1957 г. в Институте языковедения АН СССР на дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка.

¹ См. статьи: С. К. Шаумяна (ВЯ, 1956, № 5, стр. 39), М. И. Стеблина-Каменского (ВЯ, 1957, № 1, стр. 35), Р. Г. Пиотровского (ВЯ, 1957, № 4, стр. 26) и др.

² Н. Пауль, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 5-е Aufl., Halle, 1920, стр. 20.

ческой и диахронической — совершенно абсолютно и не терпит компромисса»¹. Задача исследователя, по мнению Ф. де Соссюра, не сводится к реабилитации синхронных описаний языка, известных еще в грамматической традиции XVII в. Проблема заключается в том, чтобы, вскрыв глубокое различие и своеобразную полярность задач, стоящих перед синхронией и диахронией, установить затем принципы изучения синхронного состояния языка и затем вернуться к его историческому прошлому. Ф. де Соссюр так и поступил в своем «Курсе общей лингвистики».

Прежде чем разобраться, насколько правомерно резкое противопоставление синхронии и диахронии², необходимо обратить внимание на то, как стали понимать эти термины ближайшие ученики и последователи Ф. де Соссюра. Л. Ельмслев в ранней своей работе «Principes de grammaire générale», всесторонне защищая и дальше развивая идею синхронной грамматики, стремился доказать, что синхрония вовсе не означает статичности, так как в самой синхронии в скрытом виде заключена динамика языкового развития (о чем говорил еще В. Гумбольдт)³.

Однако попытка доказать, что синхрония и диахрония не сводятся к противопоставлению статичности и динамики языка, оказалась неудачной. У самого Соссюра подобное противопоставление синхронии и диахронии, по-видимому, было навеяно положением Э. Дюркгейма о том, что в общественных науках «всегда следует различать статику и динамику» (*la statique et la dynamique*)⁴. В этом случае статика прямо отождествлялась с синхронией, а динамика — с диахронией.

Л. Ельмслев в последующих, более поздних своих работах уже не только не возражал против сближения синхронии со статическим состоянием языка, но сам стал разрабатывать методы статического изучения языка⁵. Не случайно поэтому и тот факт, что Ж. Вандриес, говоря о принципах исследования синхронии языка, уже в 1933 г. назвал свою статью «Задачи изучения статической лингвистики»⁶. Синхрония тем самым все более и более связывалась с положением языка в строго определенную эпоху. Это положение — своеобразный фотографический снимок языка в его горизонтальном разрезе.

Разумеется, не все последователи Ф. де Соссюра считают, что синхрония должна вытеснить диахронию. Сам Ф. де Соссюр, призывая лингвистов заниматься синхронией, прекрасно понимал значение и диахронических исследований. То же нужно сказать и о таких ученых, как, например, А. Мейе и Ж. Вандриес. Последний в упомянутой статье о статической лингвистике, подчеркивая важность изучения синхронного состояния языка, вместе с тем писал, что историческое языковедение по-прежнему остается главной областью лингвистических исследований⁷. В то же время в ряде других направлений зарубежного языковедения, и прежде всего в американской дескриптивной лингвистике и отчасти в датском структурализме, синхрония почти полностью вытеснила исторические разыскания.

¹ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, перевод с франц., М., 1933, стр. 90.

² См. об этом Р. А. Будагов, Из истории языковедения (Соссюр и соссюрианство). Материалы к курсам языковедения, изд. МГУ, М., 1954.

³ L. Hjelmslev, Principes de grammaire générale, København, 1928, стр. 56.

⁴ E. Durkheim, La sociologie, сб. «La science française», t. I, Paris, 1915, стр. 41. Еще до Дюркгейма аналогичные мысли выражал и Огюст Конт, настаивавший на противопоставлении статической и динамической социологии.

⁵ См., например, L. Hjelmslev, Prolegomena to a theory of language, Baltimore, 1953.

⁶ J. Vendryes, Sur les tâches de la linguistique statique, «Journal de psychologie», XXX année, № 1—4, Paris, 1933, стр. 172 и сл. Понятие «статической лингвистики» встречается уже у Ф. де Соссюра (указ. соч., стр. 87).

⁷ J. Vendryes, указ. соч., стр. 173.

Что же такое современное понимание синхронии? Какие задачи ставит перед собой синхронное изучение языка?

Сущность синхронии в ее противопоставлении диахронии, пожалуй, наиболее ярко и остро сформулировал Шарль Балли: «Историческая лингвистика, — писал он, — является созданием лингвистов, но не имеет отношения к говорящим, синхронная лингвистика, напротив того, является делом говорящих, но не относится к лингвистам». Приводя это положение Балли, В. Вартбург замечает, что первая половина утверждения Балли правильна, тогда как вторая — неправильна: люди, говорящие на определенном языке, существуют издавна, а синхронное изучение языка возникает в связи с научным интересом к системе языка¹.

Больше того, язык неотделим от человека с периода появления самого человека, тогда как синхрония, предполагая сознательное отношение к языку и определенный уровень культуры, возникает, разумеется, в совершенно другую эпоху жизни человека.

Иными словами, попытка доказать, что синхрония — это сами люди, говорящие на данном языке, а диахрония — язык, исторически восстановленный специалистами-лингвистами, оказывается по меньшей мере неточной, так как и в первом, и во втором случае речь идет об отнюдь не и п людех к своему языку. Между тем человек овладел языком значительно раньше, чем приобрел к нему известный теоретический интерес.

Так как синхрония — это такая же наука, как и диахрония, то вряд ли правомерно приравнение синхронии к «естественному состоянию» языка, а диахронии — к состоянию, искусственно восстанавливаемому. Разграничение скорее нужно искать в том, что синхрония стремится установить не только законы функционирования языка, но и то, как практически пользуются люди своим языком, тогда как диахрония обращена к историческому прошлому языка. Однако в обоих случаях сохраняется активное вмешательство человека в сложный механизм языка (изучение языка), лишь определяемое разными целями. Отличие заключается также и в том, что современным состоянием родного языка бессознательно интересуются все люди, говорящие на данном языке (чтобы говорить на языке, нужно хотя бы механически владеть его системой), между тем как диахрония — область знаний, доступная лишь специалистам-лингвистам.

Итак, и синхрония, и диахрония — это прежде всего области науки о языке. Поэтому их специфику нужно искать не за пределами данной науки, а в самой науке. Синхрония оперирует больше всего понятием языковой системы. Обратимся к этому понятию.

Синхронное изучение языка основывается, как известно, на том положении, что категории грамматики, как и звуки речи, в языке противопоставлены. Единственное число, например, не может существовать само по себе, а должно быть противопоставлено множественному или двойственному числу. Язык не располагает одним падежом или одним наклоном. Сами падежи, как и наклоны, времена, виды, обнаруживаются, формируются и уточняются в своих значениях во взаимодействии с другими падежами, с другими наклонами, с другими временами и т. д. То же относится и к звукам речи: глухие согласные, например, обычно регистрируются в языке лишь в той мере, в какой им противопоставлены звонкие согласные. Все это очевидно и давно известно.

¹ W. W a r t b u r g, Betrachtungen über das Verhältnis von historischer und deskriptiver Sprachwissenschaft, «Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally», Genève, 1939, стр. 4.

Проблема системы языка имеет, однако, и другую, чисто теоретическую сторону. Со времен И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра понятие системы языка претерпело существенные изменения. Если сторонники исторического языкознания, признав значение синхронного состояния языка и синхронных описаний этого состояния, стремятся все же абстрагировать современный язык с его историей, то сторонники «чистой» или абсолютной синхронии резко возражают против подобного сближения. Они утверждают, что синхронное состояние языка должно изучаться «в самом себе и для себя» и что описание подобного состояния ни в коем случае не должно нарушаться и «портиться» вмешательством истории.

Но если синхрония абсолютно независима от истории языка, то с чем же она соотносительна? Сторонники новой концепции неодинаково отвечали на поставленный вопрос. Одни из них, как, например, Ш. Балли, усматривали в статике языка различные «тенденции» и тем самым делали уступку истории языка¹. Другие, например Анри Фрей и его последователи, соотносили статику языка с различными «потребностями» (*les besoins*), которые, по их мнению, определяют особенности самой языковой системы. Фрей устанавливал «потребность в экономии речевых усилий», «потребность в экспрессии выражения», «потребность в ассимиляции сходных явлений», «потребность в неизменяемости знака» и т. д.²

Новейших сторонников «чистой» синхронии, в частности дескриптивистов и глоссематистов, теперь не устраивают подобные толкования. Они идут дальше в этом направлении, стремясь «очистить» языковые отношения, наблюдаемые в синхронии, от всего материального. Лишившись фона истории, синхрония все же стремится на что-то «опереться». И вот такой опорой для синхронии оказываются статистика и математика, с которыми синхрония теперь все больше и больше связывается.

Разумеется, сами по себе подсчеты различных языковых явлений могут быть и полезны, и необходимы. Однако когда всевозможные подсчеты превращаются в самоцель у современных глоссематистов, цифры начинают подменять науку о языке. Общественная наука о языке превращается в своеобразную науку о цифрах, которые лишь иллюстрируются языковыми данными. Такое смешение различных наук неправомерно и невозможно. Цифры в науке о языке сами по себе ничего не объясняют, создавая лишь видимость объяснений.

Совсем по другому поводу и в другой связи, рассматривая вопрос о применении «силошного» статистического метода к литературоведению, А. Г. Горнфельд писал еще в двадцатых годах нашего столетия: «Проверив алгеброй гармонию» и разделив гласные на согласные или наоборот, мы найдем, что Лев Толстой относится к Салиасу, как бесконечность к нулю, и что Чехов выше Бориса Лазаревского не в сто раз, а только в девять и семь восьмых. При применении нового (статистического. — Р. Б.) метода критика становится ...точной наукой на манер аналитической химии³. Конечно, литература и язык — совсем разные явления, но *mutatis mutandis* сказанное относится и к языку⁴

¹ Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, перевод с франц., М., 1955, стр. 6.

² H. F r e i, *La grammaire des fautes. Introduction à la linguistique fonctionnelle*, Paris, 1929, стр. 25 и сл. (ср. также названия глав этой книги).

³ А. Г. Горнфельд, *Художественное слово и научная цифра*, в сб. его статей «Муки слова», М.—Л., 1927, стр. 113.

⁴ Любопытно, что даже один из основателей «математической лингвистики» — Уорф (V. L. Whorf) в свое время предостерегал от смешения математических и лингвистических методов исследования. См. его работу 1940 г. «Linguistics as an exact science», перепечатанную в сборнике статей автора: «Language, Thought and Reality», New York, 1956, стр. 230.

Я возражаю не против статистики вообще, а против статистики как универсального метода исследования системы (синхронии) языка, против статистики как способа, при помощи которого изгоняют из языкознания историю, подменяя единственно правильное, на мой взгляд, понимание системы (синхронии) — продукта исторического развития языка — новым соотношением, в котором на месте истории языка оказывается статистика, подсчеты самих синхронных отношений в языке. Между тем статистика не должна и не может заменять историю языка.

Система языка — это не система «вообще», а система совершенно определенной общественно-исторической науки. Это тем более важно подчеркнуть, что, как показывают некоторые зарубежные работы, принадлежность языкознания к общественно-историческим наукам нередко берется под сомнение¹.

После общих замечаний попытаюсь остановиться на более специальных вопросах системы языка, все еще очень мало изученных в науке.

3

Предположим, что нам нужно определить, сколько падежей имеет русское слово *ночь*. Хотя существительное *ночь* приобретает в разных падежах только три неодинаковые формы (*ночь, ночи, ночью*), это не мешает считать, что данное имя склоняется по парадигме шести падежей современного русского языка. Основанием для такого заключения служит то, что в других типах склонения имена существительные приобретают уже не три, а обычно пять различных форм в зависимости от падежа, хотя совпадение отдельных форм, относящихся к различным падежам, и здесь не исключается (например, им. и вин. падежи слов типа *стол*). Но так как в разных типах склонения совпадают разные падежные формы, то всего, в сумме разных склонений, обнаруживается шесть форм, следовательно, и шесть падежей. Поэтому три формы существительного типа *ночь* следует рассматривать на фоне шести форм существительных типа *стол* и *волк*. Формы последних двух существительных, взятые в совокупности, и образуют ту систему шести падежей имени существительного, которая характерна для существительного в современном русском языке.

Таким образом, парадигму склонения существительного типа *ночь* нельзя понять вне парадигмы склонения существительных других типов. Следовательно, система одного типа склонения определяется системой ряда других типов склонения, рассмотренных вместе.

Но здесь возникает новый вопрос: в какой степени система падежей имени существительного связана с системой падежей других имен в том же языке — прилагательных и местоимений? Быть может, склонение существительных типа *ночь* нужно рассматривать не только на фоне других типов склонения существительных, но и в связи со склонением прилагательных и местоимений? Другими словами, где и как проходят в языке границы, отделяющие один системный ряд от других системных рядов?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к данным других индоевропейских языков.

В большинстве романских языков имена существительные и прилагательные не склоняются, а местоимения² склоняются. Если мы обратимся

¹ См. по этому поводу, например, Ernst Cassirer, *Structuralism in modern linguistics*, «Words», 1945, vol. I, № 2, стр. 411.

к некоторым германским языкам, в которых, как, например, в английском, имя существительное изменяется по двум падежам (общий падеж и родительный саксонский), то без труда установим, что прилагательное в нем вовсе не склоняется. Следовательно, данные этих языков говорят нам о том, что парадигмы имени существительного отнюдь не всегда находятся в зависимости от парадигм других имен, например, прилагательных, которые могут либо иначе склоняться, либо вовсе не склоняться. Соответственно и парадигмы прилагательных и местоимений не находятся в прямой зависимости от парадигм существительного.

Если для понимания системы склонения существительных типа *ночь* совершенно необходимо знать все остальные типы склонения той же части речи в том же языке, то привлечение данных других имен (прилагательных и местоимений) и их типов склонения в одних языках (например, в русском) расширяет наши представления о той же именной системе склонения, тогда как привлечение этих же частей речи (прилагательных и местоимений) в других языках (например, в романских и германских) мало что даст для понимания системы склонения существительных, так как образует совсем иную линию других системных отношений.

Таким образом, границы системного ряда в разных языках различны: они могут определяться границами данной части речи (например, в романских и германских языках), и они же могут в известной степени распространяться за пределы границ данной части речи (точки соприкосновения в склонении существительных, прилагательных, местоимений в русском языке). Подобные системные ряды в различных частях речи, соприкасаясь в одной грамматической категории (например, падежа), обычно не соприкасаются в других грамматических категориях (например, рода или числа) и тем самым образуют не тождественные, а лишь пересекающиеся системные взаимоотношения.

Возможно ли, однако, утверждать, что границей системного ряда парадигмы всегда является единица, не меньшая, чем часть речи? Нет, этого утверждать нельзя, так как все определяется своеобразием грамматического строя определенного языка.

В старофранцузском языке IX—XII вв., в котором сохранялась двухпадежная система склонения существительных типа *murs* «стена», существительные типа *terre* «земля» уже не знали падежных различий, а следовательно, и падежей. Этот последний тип имен существительных шел вперед развивающегося аналитического строя, как бы показывая дорогу остальным типам склонения. Однако до известного периода оба типа противоречили друг другу: в одном случае существительные изменялись по падежам, в другом — не изменялись. Система типа *murs* в отмеченную эпоху (IX—XII вв.) не распространялась на систему типа *terre*, хотя оба типа — имена существительные.

В румынском языке, как и в албанском, склоняются только членные имена существительные, т. е. формы с суффикрированным артиклем. Нечленные имена существительные, т. е. существительные без артикля, обычно не склоняются. В этих случаях склоняется неопределенный артикль, сопровождающий существительное. Поэтому при установлении границ системного ряда парадигмы склонения нужно считать не со всей массой существительных, а лишь с существительными, употребляемыми с определенным постпозитивным артиклем. Границы системного ряда парадигмы склонения определяются в этом случае членными типами склонения.

! Таким образом, один и тот же парадигматический ряд — в нашем примере склонения — в разных языках опирается на разные ряды системных отношений. Границы системного ряда в одних языках оказываются уже, а в других — шире. Различие определяется своеоб-

разием грамматического строя языка в целом. Вопрос этот в сравнительно-историческом плане представляет значительный интерес, хотя он почти совсем не изучен.

Не менее трудной представляется и другая проблема: сколько отдельных грамматических парадигм или отдельных противопоставленных форм и категорий образуют систему грамматики данного языка? Эту проблему можно сравнить со знаменитым софизмом о кучке песка: какая по счету песчинка образует кучку? Или иначе: без какой песчинки не будет кучки? И хотя язык совсем иная, организованная система, а не механическое соединение разрозненных частиц, аналогия все же сохраняет свое значение. Очевидно, например, что для того, чтобы образовать систему в лексике, число слагаемых должно быть неизмеримо больше, чем число слагаемых, формирующих систему в грамматике или фонетике.

Итак, понятие языковой системы при всей его важности оказывается понятием недостаточно расчлененным. Если в первый период развития синхронной грамматики еще можно было оперировать общим понятием языковой системы, то теперь становится все более очевидным, что это понятие нуждается в уточнении и разграничении и применительно к разным языкам и к разным языковым аспектам.

Надо показать, какие типы системных отношений наблюдаются в языках и в какой степени отдельные системные ряды находятся в зависимости от общей грамматической системы того или иного или тех или иных языков.

Еще в начале тридцатых годов советский психолог Л. С. Выгодский, критикуя в целом применение принципа структуры в психологии, писал: «Если восприятие курицы и действия математика, представляющие совершенный образец человеческого мышления, одинаково структурны, то очевидно, что самый принцип, который не позволяет выделить различие, оказывается недостаточно расчлененным»¹. Перефразируя эти слова, можно сказать, что принцип языковой структуры (системы)² тоже нуждается в расчленении. Нельзя применять этот принцип недифференцированно, одинаково к разным языкам на разных этапах их исторического развития.

Нужно уточнить не только понятие системы языка в целом, но и понятия системы грамматики и системных рядов внутри грамматики, как и внутри фонетики, внутри лексики. До сих пор мало исследован вопрос о том, как отдельные системные ряды, взаимодействуя между собой, образуют целостную систему языка. Понятие системы языка нуждается и в расчленении, и в исторической конкретизации. Как это ни парадоксально, само синхронное понятие системы нуждается в историческом осмыслении.

4

Изучая системные отношения в грамматике, невозможно, на наш взгляд, согласиться с широко распространенной точкой зрения, согласно которой все формы любой грамматической парадигмы являются одинаково самостоятельными, сосуществуют в языке. «Нельзя говорить», — писал И. А. Бодуэн де Куртэнэ, — что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них „переходит“. Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто сосуществ-

¹ См. вступительную статью Л. С. Выгодского к русскому переводу книги: К. К о ф ф а, Основы психического развития, М.—Л., 1934, стр. XLVIII.

² Разграничение системы языка и структуры языка, проводимое некоторыми лингвистами, представляется мне искусственным и ненужным.

вуют»¹. Бодуэн считал, что с одинаковым правом можно утверждать, что форма *вода* «переходит» в форму *воду*, как и наоборот, форма *воду* — в форму *вода*. Аналогичные мысли развивали впоследствии и другие лингвисты, в частности А. Мейе, утверждавший, что латинский язык не знал одного слова *lupus* «волк», но располагал лишь совокупностью форм: *lupus* — им. падеж, *lure* — зват. падеж, *lupim* — вин. падеж и т. д.².

Разумеется, сравнивая различные падежные формы между собой, нельзя считать, что одни из них «переходят» в другие в школьном смысле этого слова. Все формы слова, имеющиеся в языке, действительно сосуществуют в нем. Однако наличие различных грамматических форм не означает, что в языке нет форм более самостоятельных и менее самостоятельных, более существенных для мысли и менее существенных. Прямой падеж более независим, он ближе к «чистому» названию; его номинативная функция выступает отчетливее, чем соответствующие функции косвенных падежей.

Для синхронной грамматики языка важна не только категория отношения, но и категория значения. Грамматика не может довольствоваться лишь описанием сосуществующих в языке форм, не исследуя вопроса о том, каково назначение каждой из этих форм в языке.

Вопрос этот очень важен для обоснования самого разграничения синхронии и диахронии. Подчеркивая, что в синхронии господствуют системные отношения, современные сторонники «чистой» синхронии утверждают, что лингвиста могут интересовать лишь сами эти отношения, а не то, что «стоит» за ними и что выражается с их помощью. Для сторонников такого понимания синхронии форма *вода* и форма *воду* действительно «одинаково переходят друг в друга и одинаково зависят друг от друга». Для тех же лингвистов, для которых категория отношения в языке не самоценна, подобная трактовка языковых явлений оказывается несостоятельной. Языковая категория отношения не только иерархична (есть более самостоятельные и центральные отношения и менее самостоятельные и более периферийные отношения), но и подчинена категории значения: удельный вес всякой категории отношения определяется тем значением, которое эта категория имеет в данном языке.

В новейшей синхронной грамматике, в особенности в американской дескриптивной лингвистике и в датском структурализме, категория отношения неправомерно вытесняет категорию значения. Синхронная грамматика превращается в грамматику отношений независимо от того, что выражают эти отношения. Л. Ельмслев, например, целиком присоединяется к положению Карнапа о том, что «каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, не предполагающим знания или описания самих элементов, входящих в соотношения»³. То, что у И. А. Бодуэна де Куртене и у А. Мейе намечалось лишь как опасность отказа от категории значения (хотя в других случаях эти лингвисты сами прекрасно показывали, насколько внутренне необходима эта категория для языка), у Л. Ельмслева превращается в целостную и последовательную теорию языка без значений. Категория отношения неправомерно поглощает категорию значения⁴.

¹ И. А. Бодуэн де Куртене, [рец. на кн.:] В. Чернышев, Законы и правила русского произношения..., ИОРЯС, т. XII, кн. 2, СПб., 1907, стр. 495.

² А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, перевод с франц., М., 1954, стр. 79—80.

³ См. Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, «Acta linguistica», vol. VI, fasc. 2—3, Copenhagen, 1950—1951, стр. 63.

⁴ См. сводку многочисленных выступлений, направленных против категории значения в языке, в статье Ch. C. Fries; Meaning and linguistic analysis, «Language».

Разграничение синхронии и диахронии обычно проводится так, что весь современный язык противопоставляется его историческому прошлому. При этом современный язык изучается в том виде, в каком его употребляют все говорящие на нем люди, тогда как о прошлом состоянии языка обычно судят не по свидетельству говорящих, а по письменным памятникам, по косвенным источникам или по реконструкциям.

Между тем понятие современного языка — сложное и неоднородное понятие. Если это понятие расширить хотя бы с помощью одного компонента — литературного языка, то разграничение синхронии и диахронии окажется более многоплановым. Прошлому состоянию языка будет тогда противостоять не близкий и недифференцированный современный язык, а современный язык в его разных языковых стилях, в частности в таких очевидных языковых стилях, как устно-разговорный, с одной стороны, и литературно-письменный — с другой.

Поясним это положение. Известно, что предлог *благодаря* образовался из деепричастия *благодаря*. В современном языке *благодаря* — предлог и *благодаря* — деепричастие являются омонимами, но еще в XIX в. оба эти слова употреблялись с винительным падежом («Теперь, *благодаря* г. Брайдта, мы узнали ее», Белинский. «Ей теперь, *благодаря* бога, лучше...», Аксаков¹), тогда как в наше время *благодаря* как предлог употребляется с дательным падежом (*Благодаря Петрову, мы поняли данное заключение*).

В устно-разговорном языке теперь вполне возможно сказать *благодаря ему я сломал себе ногу*. Примеры такого рода показывают, что *благодаря* как предлог оторвалось от *благодаря*, являющегося деепричастием от глагола *благодарить*, в противном случае подобное предложение было бы невозможно. Но почему, однако, предложения типа *благодаря ему я сломал себе ногу* редко встречаются в литературно-письменном языковом стиле, в авторской речи хороших стилистов? Ответ напрашивается сам собой: по-видимому потому, что в определенных условиях в предлоге *благодаря* начинает «светиться» огонь его старого значения, который едва ли не совсем потух в устно-разговорном стиле и в народном языке².

vol. 30, № 1, 1954, стр. 57, и сл. Заявления новейших глоссематиков о том, что в самом отношении заключено значение, оказываются неубедительными, так как категория отношения продолжает рассматриваться как категория нематериальная. Очень показательны в этом плане выступления Л. Ельмслева на восьмом всемирном конгрессе лингвистов в августе 1957 г. («Reports for the Eight international congress of linguists», Oslo, 1957, vol. II).

Декларативное утверждение, что категория значения является объектом лингвистического изучения, еще не обеспечивает ни правильного понимания самой категории значения, ни действительного ее изучения в науке о языке. Между тем находится немало лингвистов, которые рассуждают так: поскольку часть структуралистов признает категорию значения в языке, критика их концепции будто бы становится невозможной. Подобный вывод по меньшей мере наивен: проблема заключается не в том, признается ли декларативно категория значения в языке или не признается, а в том, как она понимается и как изучается в науке о языке (ср. соответственно признание или непризнание истории языка, связи языка с мышлением, развитием общества и т. д.).

¹ Примеры см. В. И. Чернышев, *Правильность и чистота русской речи*, Опыт русской стилистической грамматики, СПб., 1911, стр. 171.

² См. материалы в статье Е. Т. Черкасовой «К вопросу об образовании отглагольных предлогов» (сб. «Исследования по синтаксису русского литературного языка», М., 1956, стр. 138—151), где наряду с примерами безразличного к внутренней форме слова употребления *благодаря*, приводятся и такие, как: «... Если я не в тюрьме, и вы тоже, и мы все, то только *благодаря* их доброты» (Л. Толстой, Воскресенье); «... Я ведь в десятом году уцелел *благодаря* Арсению Романовичу» (К. Федин, Необыкновенное лето).

Если в народном языке и в устно-разговорном языковом стиле *благодаря* как предлог и *благодаря* как деепричастие ничего не имеют между собой общего и употребляются как омонимы, то в письменно-литературном языковом стиле соотношение складывается иначе: связь с семантикой глагола в самом предлоге еще в какой-то мере здесь ощущается (экспериментальным доказательством чего может служить стилистическая неловкость выражения типа *благодаря ему я сломал себе ногу*). Следовательно, если разрыв синхронии и диахронии безусловно наблюдается в одних языковых стилях, то он отнюдь не столь безусловно выступает в других языковых стилях. К этим же случаям относятся многие из тех примеров, которые вызывают затруднения у лексикографов: отнести ли некоторые значения слов к полисемии или рассматривать их как самостоятельные слова, омонимичные к первому слову.

Совсем недавно старший советский писатель Ф. Гладков справедливо протестовал против такого понимания существительного *окот*, при котором некоторые писатели не считаются с его внутренней формой. Ф. Гладков полагает, что только кошки котятся, коровы телятся (отсюда *отёд*), овцы ягнятся, лошади жеребятся, свиньи поросятся, собаки щениаются. «Но, — продолжает писатель, — чтобы корова или овца котилась — это действительно достойно смеха»¹. В языке художественной литературы внутренняя форма слова ощущается острее, чем, например, в разговорном стиле языка, потому что, что проходит иногда незамеченным в простом диалоге (*окот скота*), оказывается невозможным в художественной речи.

Связи между определенными группами слов, ослабевающая в одном стиле, оказываются достаточно прочными в другом языковом стиле.

Итак, если противопоставить прошлому состоянию языка современный язык в целом, не дифференцируя его на разные языковые стили, то отделить синхронию от диахронии оказывается легче, чем в том случае, когда само понятие современного языка осложняется языковыми стилями. В этом последнем случае отдельные звенья синхронии могут оказаться более связанными с диахронией. Следовательно, само разграничение синхронии и диахронии зависит от того, как понимается современное состояние языка, система его внутренних отношений. Так как основные языковые стили² органически присущи почти каждому современному языку, располагающему письменностью, то необходимый учет языковых стилей непосредственно должен отразиться на характере разграничения синхронии и диахронии.

6

Остановимся теперь на вопросе о том, как следует понимать систему в лексике.

Утверждение, что системные отношения, общепризнанные в грамматике и фонетике, остаются неясными в лексике, стало почти общим местом. Если грамматика «складывается» из сравнительно небольшого числа частей речи и грамматических категорий, то лексика, распавшаяся на бесчисленное множество как бы разрозненных и постоянно пополняемых и видоизменяемых слов, кажется мало поддающейся системному изучению. Чтобы выйти из подобного затруднения, отчасти определяемого спецификой самого объекта изучения, в XX столетии сформировалось немало новых направлений в лексикологии и семасиологии: школа, изучающая

¹ Ф. Г л а д к о в, О культуре речи, «Новый мир», 1953, № 6, стр. 233.

² Об этом см. Р. А. Б у д а г о в, К вопросу о языковых стилях, ВЯ, 1954, № 3 стр. 54 и сл.

слова в связи с историей вещей, теория смыслового поля слова во всех ее многочисленных разновидностях, теория «слов ключей» Маторе, теория статистических подсчетов различных слов в языке определенной эпохи, а также у отдельных писателей и общественных деятелей и т. д.

Проблема системы в лексике остается, однако, по-прежнему очень сложной. Несколько не претендуя в последующих строках на широкое освещение этой важной проблемы, попытаемся обратить внимание лишь на некоторые ее стороны.

В отличие от грамматики, где отношения сравнительно ясно обрисовываются, в лексике отношения менее очевидны. Слова выражают отношения, поэтому отношения в лексике обычно сводятся к отношениям, существующим среди понятий. Система в лексике подменяется системой понятий. Стоит только обратиться к всевозможным западноевропейским словарям типа «от идей к словам», чтобы убедиться, как происходит эта подмена. В так называемых аналогических или идеологических словарях — «от слов к идеям и от идей к словам»¹ — слова группируются вокруг различных понятий и представлений, которые ассоциируются с этими словами. Так, например, рядом со словом *животное* легко найти названия самых различных животных (*лошадь, верблюд, обезьяна, лев* и пр.), названия многочисленных видов обращения с животными (*воспитание, селекция, кормление, дрессировка* и пр.), состояний и свойств тех или иных животных (*дикие, домашние, прирученные* и пр.), названия научных дисциплин и своеобразных реалий, относящихся к животным (*зоология, естественная история, физиология животных, зоологическая лаборатория, ветеринария, организм*) и т. д.

Как ни полезны сами по себе такого рода группировки понятий², они все же не имеют непосредственного отношения к системе в лексике. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что такого рода группировки могут применяться без всяких изменений к любому языку (в каждом языке имеются и названия животных и названия свойств этих животных и т. д.), тогда как система в лексике должна стремиться прежде всего к тому, чтобы установить специфические особенности лексики каждого языка³. Нельзя не обратить внимания и на то, что такого рода группировка подменяет систему слов системой вещей, т. е. отождествляет слова и те понятия, которые с помощью этих слов выражаются.

Если, как мы видели выше, изучение системы в грамматике приводит многих ученых к тому, что они начинают изгибать категорию значения при помощи категории отношения, то изучение системы в лексике приводит к обратным результатам: категория значения, понимаемая как категория логическая, по существу вытесняет категорию отношения. Между тем систему в лексике, как и систему в грамматике, нельзя строить ни на основе одной категории отношения, ни на основе одной категории значения. Единство категорий значения и отношения очень существенно как для системы в грамматике, так и для системы в лексике.

Еще в семидесятых годах прошлого столетия А. А. Потёбия предложил

¹ См., например, Ch. Maquet, Dictionnaire analogique. Répertoire moderne des mots par les idées, des idées par les mots, Paris, 1936; C. D. Bueck, A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages. A contribution to the history of ideas, Chicago, 1949; J. Casares, Diccionario ideológico de la lengua española. Desde la idea a la palabra; desde la palabra a la idea, Barcelona, 1957.

² См. R. Hallig und W. Wartburg, Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie, Versuch eines Ordnungsschemas, Berlin, 1952.

³ Подобно тому как грамматическое исследование отдельного языка выявляет специфические (наряду с общими) особенности данного языка в области грамматики.

различать ближайшее и дальнейшее значения слова¹. Под ближайшим значением слова Потебня разумел такое значение, которое обычно всеми понимается и фиксируется в толковых словарях. Дальнейшее же значение слово приобретает в тех специальных научных или профессиональных областях, к которым оно часто относится. Слово *дерево*, например, в его ближайшем значении осмысливается примерно как «многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями», тогда как с ботанической точки зрения такое понимание дерева явно недостаточно. При перечислении всевозможных чисто ботанических признаков дерева (например, классов однодольных, двудольных и пр.) переходит от ближайшего к дальнейшему значению слова *дерево*. То же следует сказать и о таких, самых разнообразных словах, как *жизнь, погода, земля, цветок, движение, атом, электричество* и т. д.

Ближайшие значения слов — это тот своеобразный лексический минимум значений, который обеспечивает взаимное понимание всех людей, говорящих на данном языке, независимо от их специальности, профессиональных взглядов, привычки иметь дело больше с одними предметами и меньше — с другими. Разумеется, языковед, рассматривая значения различных слов, может быть компетентным только в области их ближайших значений. В противном случае языковедение превратилось бы в своеобразную «науку наук», в универсальную область всех человеческих знаний.

Несмотря на всю очевидность различия между ближайшими и дальнейшими значениями слова, с ним считается в известной мере лишь современная лексикография², но очень мало — современная лексикология. Между тем, отмеченные типы значений слова оказываются в основе разных словарей: на основе ближайших значений слова строятся толковые словари, на основе дальнейших — словари энциклопедические.

В языке могут быть слова, имеющие только дальнейшие или узко специальные значения. Такого рода слова — очень специальные термины — обычно не попадают в толковые словари, хотя и могут фиксироваться в словарях технических. Следовательно, различие отмеченных значений слова прямо или косвенно находит отражение в структуре разнотипных словарей, в принципе отбора слов для тех или иных словарей.

Можно, как нам кажется, утверждать, что ближайшие значения слов это то же, что синхронные отношения в грамматике — они понятны всем говорящим на данном языке. Если синхронные грамматические отношения бессознательно усваиваются всеми носителями данного языка (с той поправкой, которая была сделана выше), то и ближайшие значения слов воспринимаются тем же коллективом людей. Поэтому, когда возникает вопрос, как следует осмысливать систему в лексике, нужно иметь в виду прежде всего ту лексику, которая фиксируется в толковых словарях и строится на ближайших значениях слова. В противном случае окажется невозможным обнаружить специфику системы в лексике в отличие от системы в понятиях и представлениях.

Разграничение ближайших и дальнейших значений слова дает возможность установить, что в смысловом содержании слова относится к языку и что — к логике, к специальным научным знаниям. П о д о б н о е

¹ А. Потебня, Из записок по русской грамматике, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 8. Названия «ближайшее и дальнейшее» значения слова условны и не очень удачны, но мысль Потебни очень существенна.

² Н. P a u l, Ueber die Aufgaben der wissenschaftlichen Lexikographie, «Sitzungsberichte der philos.-philol. und der hist. Kl. der Wiss. zu München», Jg. 1894, стр. 69; Л. В. Щербачева, Опыт общей теории лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 89 и сл.; F. H i o r t h, On the subject matter of lexicography, «Studia linguistica», année IX, № 2, Lund — Copenhagen, 1955.

разграничение должно не удалить слова от их значений, а приблизить слова к их подлинным значениям, показать специфику этих значений.

Систему трудно, однако, построить без специфических категорий, на которые опирается сама эта система. Такие категории очевидны в грамматике, но они совсем не очевидны в лексике. В лексике подобными внутренними по отношению к самой лексике категориями являются: значение и употребление слова, свободное и несвободное значения слова, полисемия и омонимия, неологизмы и архаизмы, слова с отчетливой внутренней формой и слова, внутренняя форма которых неясна говорящим, и т. д. Думается, что в лексике точно так же имеются коррелирующие категории, как и в грамматике (единственное и множественное число, прямой и косвенный падеж, настоящее, прошедшее и будущее время и т. д.). К сожалению, коррелирующие категории в лексике почти совсем не изучены, не систематизированы и даже не описаны. В разных языках коррелирующие категории в лексике и соприкасаются и различаются. Соприкосновение обнаруживается в самом наличии тех или иных категорий во многих языках, различие — в способе и характере реализации этих категорий в языке. Так, например, несвободное значение слова в одних языках может иметь очень широкое распространение, а в других — сравнительно меньшее. По-разному проходят границы между омонимией и полисемией, значением и употреблением слова и т. д. Задача исследователя заключается в том, чтобы выяснить условия, определяющие подобные различия и расхождения в лексической системе многих языков.

Как и в грамматике, в лексике могут быть не только парные противопоставления, но и более сложные. Ср., например, моносемия, полисемия, омонимия; свободное значение слова, относительно связанное значение слова (фразеологическое сочетание), абсолютно связанное значение слова (идиома).

Основная трудность заключается в том, чтобы показать, как совокупность коррелирующих категорий образует систему в лексике. Иными словами: как коррелирующие между собой категории в лексике образуют общелексическую корреляцию или систему. Если корреляция внутри отдельных групп очевидна (не может быть распада полисемии без наличия самой полисемии, моносемия предполагает понятие полисемии, свободное значение — связанное значение и т. д.), то исследование общелексической корреляции всех этих отдельных категорий — дело будущего.

В лексике так же нужно отталкиваться от софизма с кучкой песка, как и в грамматике, памятуя, что категории не механически соприкасаются между собой, а органически образуют систему. Открытым остается вопрос о том, сколько категорий, как и в каких языках образуют систему.

Итак, здесь была сделана попытка показать, что:

1) понятие системы языка не должно употребляться недифференцированно по отношению к разным языкам и разным сторонам одного и того же языка;

2) нельзя приравнивать синхронию к «естественному состоянию» языка, на котором говорят люди, поскольку синхрония, как область науки о языке, предполагает такое же активное вмешательство человека в сложный механизм языка, как и диахрония;

3) при изучении системы языка важно установить границы «системности» каждого ряда, входящего в систему. В одном языке системный ряд может опираться на одну парадигму, в другом языке аналогичный системный ряд выводится из множества парадигм. В этом обнаруживается связь между системными соответствиями отдельных категорий и грамматической системой языка в целом;

4) считая, что система оперирует отношениями, нельзя забывать, что сами эти отношения являются средством выражения определенных значений. Попытки изгнать категорию значения из современного языкознания, предпринимаемые многими лингвистами, не могут не окончиться фиаско, так как язык является средством общения и выражения мысли;

5) противопоставление синхронии и диахронии должно вестись лишь в плане установления специфики каждой области, а не в плане метафизического и абсолютного их обособления. Здесь была сделана попытка показать, что при учете различных стилей языка связь тенденций исторического развития языка с его синхронным состоянием обнаруживается отчетливее, чем в тех случаях, когда стили языка не принимаются во внимание. «Разорванные» в одном стиле, диахронные и синхронные тенденции переплетаются в другом стиле;

6) особо сложной представляется проблема системы в лексике. Учитывая глубокую и постоянную связь слов с понятиями, при установлении системы в лексике нужно основываться на лексических категориях. В этом случае обнаруживается подлинное взаимодействие (а не смешение) слов и понятий, раскрывается специфика лексических значений слова и намечаются пути их группировки в системе лексики. Единство категории значения и отношения очень существенно не только для понятия системы в грамматике, но и для понятия системы в лексике.
